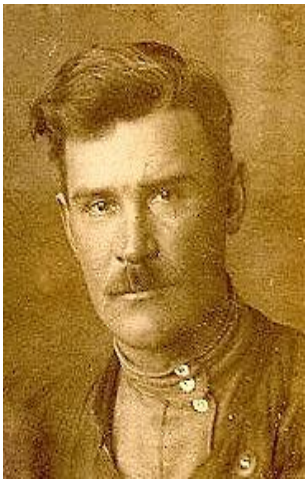
Рассказ
Земной поклон



Бабушка моя, Самохвалова Пелагея Карповна (в девичестве Мережникова), доставала похоронки один раз в год, в День Победы. Помянув всех погибших и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны, она доставала из заветной шкатулки две узенькие полоски бумаги, расправляла изуродованными ревматизмом руками и подзывала меня к себе: «Иди, внучек, посмотри, что осталось от твоих дедушки и дяди». В руках у меня оказались две узенькие полоски. На одной стороне крупным шрифтом в цветном исполнении было напечатано «Мелкий частик», вес нетто 300гр. На другой неровным шрифтом сообщалось: «Ваш муж Самохвалов Дмитрий Осипович геройски погиб 8 января 1943 года в боях с фашистскими захватчиками». На другой похоронке: «Ваш сын Самохвалов Иван Дмитриевич погиб 23 февраля 1943 года в боях с фашистскими захватчиками».

«Дмитрий-то у меня весёлый был, гармонист, никому зла не делал, а жизнь била его, да старалась побольней», - начала она рассказ тусклым, ничего не выражающим голосом. Было видно, что старые душевные раны затянулись и уже не причиняют ей ни боли, ни волнений. – В тридцатом году, когда началась коллективизация, мы с мужем жили в Чебаркуле Челябинской области в большом, крепком доме. Вместе с нами проживали два брата мужа с жёнами и детьми и свёкор. Своих детей у нас было трое. Хозяйство было крепкое: пять лошадей, шесть коров, овцы, куры, небольшая лавка – продавали мануфактуру. После известных событий по раскулачиванию Дмитрий и его средний брат Павел, распродав кое-что, уехали в Челябинск и устроились на завод рабочими.

Казалось, что тучи пронесло над нашей семьёй, но не тут-то было… Свёкор с младшим сыном что-то не поделили, а тот пошёл и заявил в сельский совет на отца-кулака и невесток-подкулачников. Нас той же ночью троих взрослых и шестерых детей погрузили на подводы и куда-то повезли обозом. Стоял ноябрь 1930 года. Дмитрий (муж, 3-е фото) с братом догнали нас в Омске в декабре. Как перезимовали эту зиму, рассказывать не буду, скажу только, что умерло двое детей. По весне погрузили в баржи и повезли вниз по течению. Как смеялась охрана: «Кормить рыбу и белых медведей». Наши семьи довезли до Перегрёбного. В живых остались я, Дмитрий, свёкор, дочь Катя и сынок Ванюшка, семья Павла.

Это десятилетие: с тридцатого по сороковой год жили очень тяжело. Отношение к нам, репрессированным, со стороны администрации и большей части населения было предвзято – враги народа. Выжили. В первый год помогло то, что я устроилась прислугой к советской служащей, ухаживала за её детьми, варила, а все отходы, очистки несла домой, варили, ели.

Когда началась Отечественная война, всех мужчин забрали на фронт. Руководство колхоза стало создавать женские рыбацкие бригады. Я попала в одну из таких бригад. Нас, десятерых баб, посадили в неводник, каждой дали по веслу, погрузили невод, сети, муку, соль, растительное масло. Выдали сапоги кожаные – бродни 43-го размера по 4 килограмма один сапог, кое-что из одежды. Пришёл старший. Он нас и обучал рыбацким премудростям. Неводник оттолкнули, и мы погребли к месту лова рыбы. Ребятишек оставляла на попечение больного свёкра. Сыну Ване (1-е фото) к этому времени было уже 14 лет. Он поступил учиться в Тобольский педтехникум, а Кате – 12 лет.

Всё лето сетями облавливали сора, таскали по тони невод, а рыбу сдавали на плашкоуты. Всё сердце изболелось по детям. И однажды не выдержали. Погрузились в неводник, и хотя старший не отпускал: «Вы что, дуры, под арест захотели, в военное время самовольно покидать рабочее место», - погребли в посёлок. Уже подъезжая к причалу, увидели, как вниз по дороге бежит весь актив колхоза с длинными баграми, человек пять мужиков. Они с разбега, поднимая брызги, влетели по пояс в воду и баграми упёрлись в борт неводника, не давая нам пристать к берегу. Выпучив глаза и громко матерясь, они, что есть силы, отталкивали неводник. Из всего шума и гама я слышала только два слова «план» и «фронт».

Да, они прекрасно понимали, что не дай плана по рыбодобыче мы, они завтра всем активом пойдут на фронт. А они не хотели менять тёплые места на холодные окопы. Бросив вёсла, мы затянули песню-стон. Над Обью поднялась почти осязаемая бабья тоска по детям, по мужьям на фронте, от которых нет писем, и

долго ещё выли и причитали, сопровождаемые активом, который не вылезал из воды километра два, толкая нас баграми.

Ваню забрали в Армию в 1942 году. К этому времени он уже окончил два курса Тобольского педтехникума. Их, несколько человек из числа, учащихся направили в Омск в пехотное училище и на несколько дней дали отпуск. Пробыв дома неделю, он засобирался в Омск. Но пароходы шли переполненные и в Перегрёбном не останавливались. Несколько раз мы выезжали на лодках к пароходам, но, громко сигналя и обдавая нас брызгами, они проскакивали мимо. Я наняла мужиков, и они увезли его в Октябрьское (бывший Кондинск), но было поздно. В часть он опоздал на сутки, и его как дезертира в военное время судили военным трибуналом и направили в штрафбат, до первой крови, где он и погиб геройски 23 февраля 1943 года. Он так и не узнал, что его отец погиб на месяц раньше».

С годами по-новому переосмысливаю воспоминания бабушки, которой пришлось из чаши жизни выпить всю горечь, и каждый раз поражаюсь, сколько было в этой хрупкой женщине выдержки, самоотверженности и терпения, чтобы найти силы выжить.

Бабушка умерла в возрасте 86 лет. С шестидесятого года получала пенсию 21 рубль за потерю кормильцев, по особому распоряжению Хрущёва Н.С. Государственную пенсию ей не платили, так как колхозные годы в стаж не шли.

Похоронили Пелагею Карповну по её желанию в Перегрёбном. Мы, внуки, никогда не забываем навестить её могилку и отдать земной поклон.

Опубликовано на литературном сайте для ценителей творчества «ЛитПричал»
Земной поклон – Очерк / опубл. 24.02.2021 в 15:07

Источник: https://www.litprichal.ru/users/nikolai72/